

Мѣсто выхода ея:

(апелъ вѣдомостій)

Дата и № 34 12/11/1907

Чайка погибла.

Невыносимо тяжело!..

Какъ бы ни замотала васъ жизнь, все же гдѣ-то въ глубинѣ сердца остается уголокъ, прикосновеніе къ которому вдругъ наполняетъ васъ театръ и печалью. Тяжелое горе путь пересѣкаетъ Мейерхольдъ. Чередуетъ сердце, что-то щекочущее горло и жгучія слезы навертываются на глаза...

— Не надо васъ! — говорить холдный разсудокъ.

Вѣки усиленно моргаютъ, лицо нѣсколько разъ сурово подергивается, и снова на него набѣгааетъ обычная житейская маска.

Но тамъ, въ сердцѣ, въ сознаніи боль еще острѣе, тоска еще рѣзче, дышать еще труднѣе...

Погибла чайка, улетѣла куда-то далеко! Подхватили ее бури злыхъ, занесли въ пропасти и разсѣлины и убили о камни острые и холодные...

— Кому это нужно? — спрашиваетъ смятенное чувство.

Что заставило Ѹхать куда-то, въ Ташкентъ, тамъ играть для сартовъ и чиновниковъ? Почему она не сѣя нами, въ тепломъ, уютномъ театрѣ, среди взволнованныхъ, радостныхъ лицъ, горящихъ преданностью, поклоненіемъ?

Изъ провинціи пріѣхала тонкая, хрупкая, нервная девушки съ чудными глазами и красивымъ, гармоничнымъ голосомъ. Она играла разныя роли — Дикарку, Рози, Магду, Офелию, Соню, Нору, играла въ сказкахъ, въ символическихъ пьесахъ, бытовыхъ...

И вездѣ со сцены на зрителя смотрѣли два ослѣпительно прекрасныхъ глаза, звучалъ одинъ и тотъ же голосъ: то ласково-задорный, то печальный... но всегда съ какой-то глубокой, чуть замѣтной тревогою.

Она иногда пѣла... цыганскія пѣсни.. Тогда тревога становилась ярче, тоска проступала ясне и трагедія захватывала зрителя. Онъ чувствовалъ:

— Боже, какъ она одинока!

Казалось, что въ холодный, осенний вечеръ въ освѣщенное окно бѣется птичка, просится въ комнату... Неизвѣстностью, боязнью и жаждою ласки свѣтить ея черный глазокъ... Откуда она и куда летѣть?

Коммисаржевская уѣзжала изъ Петербурга дважды. Первая ея поѣздка была сплошнымъ триумфомъ. Она тогда была Рози, Магдой и Дикаркой.

Затѣмъ снова Петербургъ, театръ-бонбоньерка „Пассажъ“, собственный театръ на Офицерской. Затѣмъ ея житейская тѣнь падаетъ на бѣдную чайку. Она бѣется, рвется на просторъ, ищетъ новаго пути...

Наконецъ, снова поѣздка по провинціи и снова тяжелая внутренняя борьба, сомнѣніе въ себѣ, въ своихъ силахъ, письмо о прекращеніи сценической дѣятельности, раздумье о драматической школѣ и... смерть, такая неожиданная и грубая...

— Нѣть чайки! Мы приходили въ театръ, чтобы послушать, какъ она разсказываетъ свою волшебную сказку.

Она играла всегда просто, естественно и искренно, потому что всегда рассказывала о себѣ и себѣ. Она не создала множества образовъ, но ея образъ былъ дороже многихъ созданій сцены.

Коммисаржевская не плакала на сценѣ. Ея гордая, смѣляя героини увлекали красотою своего духовнаго міра. Слезы безсилія или досады были имъ чужды. Однокія, рѣшительныя, онѣ не порабощали публики, а заставляли ее жить рядомъ съ собою повышенною, стремительною жизнью и уходили куда-то въ невѣломую даль, неудовлетворенные, ищущія и прекрасныя въ своемъ затаенномъ страданіи.

Такъ ушла отъ насъ Коммисаржевская: сразу, вдали, одинокая, заброшенная... и въ то же время такая родная и близкая сердцу, какъ не могутъ быть близкими тысячи сестеръ и братьевъ.

Что-то порвалось... Ушла въ таинственную даль дорогая душа, потухли дивные глаза, умолкъ захватывающій голосъ...

Снова холодъ охватываетъ сердце и сурово сжимаются брови, воспоминанія сбиваются въ одинъ смотанный, тоскливыи клубокъ... Онъ заматывается въ глубину души — туда, где уже лежитъ много такихъ же дорогихъ воспоминаній.

Это — наслѣдство отъ смерти для тѣхъ, кто еще живетъ.

Весь.